

Т. Г. Щедрина

<https://orcid.org/0000-0002-3081-1459>

Б. И. Пружинин

<https://orcid.org/0000-0003-0903-6897>

**Максим Горький – пролетарский писатель?
(Писатель в русской интеллектуальной культуре первой половины XX века)**

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 18-011-01204

«Журнал, Конгресс, Энциклопедия: становление форм междисциплинарной коммуникации в философии XX века
(исследование по культурно-исторической эпистемологии)»

К 90-м гг. XIX столетия Максим Горький был уже весьма значительной культурной фигурой. И потому нет ничего удивительного в том, что в бурном XX столетии попытки использовать эту фигуру в тех или иных социально-политических целях предпринимались неоднократно. В советское время этого очень разнопланового и по мировоззренческим и по политическим установкам писателя настойчиво превращали в последовательного революционера-большевика, чему, кстати, способствовал и писательский интерес Горького к жизни простых слоев дореволюционного общества России. С этой целью издавались литературоведческие труды, в которых деформировалась его биография, так что в результате в советское время сложилась целая индустрия по созданию некоторого плакатного образа Максима Горького. А в 90-е гг. XX столетия появились публикации, также мифологизирующие фигуру Горького, но уже с противоположным знаком. Сегодня, однако, появляются исследования, восстанавливающие и осмысливающие реальный феномен Горького. Авторы статьи предпринимая попытку рассмотреть творчество М. Горького как феномен интеллектуальной культуры.

Ключевые слова: история русской философии, интеллектуальная культура, пролетарский писатель, русское зарубежье, М. Горький, Ф. Степун, В. Ивановский.

Т. G. Shchedrina, B. I. Pruzhinin

**Maxim Gorky – a Proletarian Writer?
(The Writer in the Russian Intellectual Culture of the First Half of the XXth Century)**

To the 90's years of the XIXth century Maxim Gorky was already a very notable and influential figure of the culture. So, there is nothing surprising in the fact, that the attempts to use this figure in various social-political aims during the turbulent XXth century were undertaken repeatedly. In the Soviet time this very diverse writer, in the sense of worldview and political attitudes, was insistently transformed in a consistent bolshevik-revolutionary. Which, incidentally, was contributed by the Gorky's literary interest to the lives of ordinary stratum of pre-revolutionary society in Russia. For this purpose, were published literary works, which deformed his biography, so that as a result there was a whole industry of creation some kind of poster image of Maxim Gorky in Soviet times. And in the 90's years of the XXth century there appeared publications, that were also mythologizing the figure of Gorky, but with the opposite intention. Today, however, the literature that restores and comprehends Gorky's real phenomenon is becoming more solid. The authors of the article make an attempt to consider M. Gorky's work as a phenomenon of intellectual culture.

Keywords: history of Russian philosophy, intellectual culture, proletarian writer, Russian Abroad, M. Gorky, F. Stepun, W. Ivanovsky.

К нынешнему дню опубликован значительный массив материалов, которые позволяют представить М. Горького в реальной культурной, а отнюдь не только партийно-социальной жизни своего времени. Особую роль здесь играет его переписка, в которой раскрывается чрезвычайно широкий круг его интересов и в которой сам он предстает как постоянно ищущий и очень разносторонний человек. В частности, в 1993 г. была

опубликована переписка Федора Степуна и Максима Горького [1], которая позволяет увидеть последнего не только как фигуру русского литературного процесса, но и как мыслителя, включенного в русскую интеллектуальную культуру, в том числе культуру философскую. Именно об этой включенности мы и будем говорить ниже. А исходным пунктом этого «разговора» мы выбрали рассуждения Федора Степуна, критически

оценившего тезис о том, что Горький является пролетарским писателем.

«Как буржуазия, так и пролетариат, – писал Ф. Степун, – не нашли себе ни толкователя, ни певца. Часто высказываемое мнение, что Горький был таковым, ошибочно. Его босяки и бродяги едва ли имеют что-либо общее с западноевропейским пролетариатом уже потому, что пролетарии целый день работают на заводах, в то время как бродяги Горького целыми ночами философствуют у разложенных костров. Что касается их мировоззрения, то они, подобно своему творцу, скорее анархисты-индивидуалисты, чем социалисты. В афористике их речей слышится скорее поэтическое слово Ницше, чем научное – Карла Маркса. Если ближе присмотреться, то почти все они родом из гнезда атеистических богоискателей Достоевского. Представить их себе действительными членами социалистического интернационала – совершенно невозможно» [5, с. 616].

Это суждение о Горьком Степун высказал в 1957 г., находясь в эмиграции. Надо признать, Степун не просто прав в этой оценке творчества Горького, он констатирует нечто очевидное, утверждая, что персонажи этого писателя действительно лишние люди в той реальности, которую он описывает, но никак не партийно-классовые субъекты. Однако тогда возникает вопрос: почему, вопреки очевидному положению дел, сложился весьма устойчивый образ «Горький – пролетарский писатель»? Почему такой образ Горького принимался и почему Степун пытался его опровергнуть? При чем занимался он этим настойчиво и именно тогда, когда в центре его внимания оказалась тема истоков русскости в литературе и в жизни.

В данном случае интересы различных социокультурных групп, так или иначе интерпретирующих творчество Горького, очевидны. И выявление этих интересов особой сложности не представляет. Вопрос, который, на наш взгляд, здесь уместно поставить, состоит в том, какова та особенность творчества Горького, которая делала его фигуру чрезвычайно привлекательной для социально-политического использования в тех или иных целях. (Заметим, что Горький был настолько популярен в свое время, что его мифологизация началась уже при жизни. Его именем решили назвать Институт мировой литературы, проект которого обсуждался в 1934 г. См. об этом: Протокол совещания по обсуждению программы задания на проектирование эскизного проекта здания Института Литературы им. М. Горького

при ЦИК СССР. 1 октября 1934 года // ОР РГБ. Ф. 718. К. 21. Ед. хр. 31.)

Отвечая на этот вопрос, важно отметить, что трактовка Горького в работах Степуна была возвращена в контексте споров о Горьком в русском зарубежье. При этом важна тональность этих споров, возникших среди людей, которые вынуждены были покинуть Россию. Они задавались вопросом о том, какая литература является по-настоящему русской, но искали в этом вопросе для себя смысл того, что произошло с ними, со страной, с историей. Здесь на передний план выходят не эстетические параметры литературы, в том числе, литературного творчества Горького, не эмоциональное художественное представление персонажей и их социального статуса, но интеллектуальная составляющая, то есть как раз то, о чем говорят персонажи Горького в попытке осмыслить мир (причем не как набор идей, а как исследование (мышление, размышление) о реальности, как поиск ее смысла). Литература здесь предстает как элемент интеллектуальной деятельности. И в этом плане социальный статус персонажей Горького – лишь художественный прием, подчеркивающий должествование того, что они утверждают, находясь на «дне».

Таким образом, тот факт, что в центре споров русской эмиграции оказался Горький, был связан прежде всего с важнейшей чертой отечественной литературы – ее поиском смысла происходящего, ее принадлежностью к интеллектуальной культуре. И эта особенность очень ярко проявлялась в творчестве Горького. Кроме того, интерес мыслителей русского зарубежья концентрировался вокруг общегуманитарной направленности смысловых исканий Горького, приобретающих особую остроту на фоне процессов, происходивших в то время в Советской России.

В интеллектуальных кругах русского зарубежья Горький был одним из самых популярных «объектов» обсуждения. Он привлекал к себе огромный интерес, и оценки его творчества были самые различные. А потому именно сегодня (когда мы ставим вопрос о Горьком как представителе интеллектуальной культуры) важно понимать и принимать во внимание тот исторический контекст, в котором эти оценки формировались. Жизнь русских эмигрантов была своеобразна. Какое-то время мы подходили к феномену русского зарубежья очень широко, полагая, что эмигранты могли свободно заниматься интеллектуальной деятельностью и т. д. Но при более глубоком анализе журналов, издаваемых русскими

эмигрантами, дискуссий, которые там происходили, становилось ясно – это была очень трудная жизнь людей, лишенных контакта с Родиной, языком и культурой. Ведь поначалу эмигрантам оказывали поддержку, создавались русские институты, где профессора могли читать лекции на русском языке. Но уже скоро стало ясно, что эти русские анклавные – искусственные образования и не имеют реального профессионального статуса, позволяющего освоиться в чужой социальности, они также приобретали идеологический характер. (В письме к Ивановскому (об их переписке пойдет речь ниже) Горький замечал: «Чтобы издать <книгу> за границей, нужно быть членом церкви или секты. “Идеологическое” давление здесь не легче ведь, чем в Москве, хотя понять его законность или обоснованность <гораздо> труднее». Письмо А. М. Горького В. Н. Ивановскому от 17 июня 1926 года // ЦММЛС. Ф. 66. Оп. 1. Д. 32. Л. 5. Далее цитируем переписку Ивановского и Горького по фонду Ивановских в Центральном московском архиве-музее личных собраний (Далее: ЦММЛС).)

У эмигрантов по-настоящему «своими» (русскими) остались только церковь и литература. Православная церковь в эмиграции хранила русскую традицию. Отсюда, кстати, значительный интерес русских интеллектуалов-эмигрантов к религиозным проблемам (они просто опирались на церковь). Литература помогала сберечь русский язык как основание культуры (особая роль отводилась классике). Представители русского зарубежья непрерывно обсуждали Пушкина, Горького и других писателей-классиков. Они видели в русской классике возможность сохранения национальной идентичности и через ее осмысление пытались увидеть и понять историческую перспективу Советской России. Надо себе представить ощущения людей, которые на что-то надеялись (или уже не надеялись). Они жили в чуждой среде и либо вписывались в нее и совсем теряли русскость, либо продолжали очень напряженно ожидать каких-то изменений и отслеживать детали, опираясь на представление о глубинных основаниях русскости, выраженной в классической русской литературе. Между прочим, эти споры о русскости были заданы именно Горьким, когда он находился в 1920-х гг. за рубежом. Он издавал тогда журнал «Беседа» и, кстати, общался со Степуном. За этими спорами о русской литературе стоял вопрос о перспективах России. Для Степуна настоящая советская литература должна была противостоять коммунисти-

ческому режиму, для Горького – этого противостояния не должно было существовать (он верил, что настоящая литература революционна, она не может делаться оппозицией) [1, с. 44]. Соответственно, Степун критически относился к трактовке Горького как пролетарского писателя, потому что видел в нем интеллектуала, который осмысливает реальность и себя в ней. В этом контексте общение Горького и Степуна приобретает особый смысл, поскольку становится частью интеллектуальной культуры.

Что такое интеллектуальная культура? В современной культурологии культура определяется как набор некоторых нормативов, регулирующих человеческое общежитие. В таком виде это понятие сформировалось к 1500 г. (примерно). Но исходно понятие культуры было другим – у Цицерона, например, оно означало возделывание, культивирование души. Это значит, что человек не проецирует на мир некое готовое воззрение, а пытается этот мир понять, меняя (культивируя) себя, осмысливая себя как часть этого мира. Интеллектуальная культура – это творческий процесс совершенствования своего видения мира. И с этой точки зрения литература может быть интерпретирована не только как вид художественного творчества, но и как тип интеллектуальной культуры. Горький при такой оценке – не только писатель, но и мыслитель (он рационально и логично промышлял реальность, которую описывал). И мы должны учитывать, что, поскольку мировоззренческие позиции Горького менялись, он и видел реальность по-разному, и описывал разное. «Горький» 90-х гг. XIX в. и «Горький» предреволюционный – это разные «Горькие». Он пытался понять себя, себя искал. Этот его поиск меняет картину рецепции Горького в литературоведении. Литература – это элемент интеллектуальной культуры. И сам Горький – один из деятелей этой интеллектуальной культуры. И тогда на его творческий путь можно по-другому посмотреть. (К примеру, его деятельность в издательстве «Знание» можно интерпретировать как попытку формирования интеллектуальной культуры в России.) Для него не образ сам по себе важен, а именно проникновение в смысл той реальности, которую он наблюдает и описывает.

Эту отличительную черту Горького как писателя-мыслителя увидел Степун, который опубликовал в «Современных записках» рецензию [3] на берлинское издание книги Горького «Мои университеты» (вышла в свет в 1923 г.). Степун отмечал, что за последние 10–12 лет «...русская

литература изметалась в поисках новых стилистических путей» [4, с. 479]. Однако Горький «...в своей последней книге остался на том же месте, с которого начал 30 лет тому назад» [4, с. 479]. И далее Степун предлагает сравнить литературную манеру Горького со стилями А. Белого и А. Ремизова. «Раскрывая после этих писателей Горького, испытываешь такое впечатление, как будто бы уходишь от искусства иходишь в самую жизнь. Как у Белого, так и у Ремизова есть свой, совершенно особый мир; с тем, в котором мы все живем, связанный, но от него все же и бесконечно отличный. Самый простой, будничнейший факт и Белый и Ремизов расскажут так, что от него не останется ни буден, ни факта: у Белого он превратится в пророческое безумие, у Ремизова – в мистический курьез. <...> Читая Горького, не ощущаешь ничего подобного. В его воспоминаниях как будто нет ни стиля, ни языка, ни фразы, а есть только образы и даже не образы, а прямо люди, города, Волга» [4, с. 480]. Конечно, у Степуна здесь просматривается некоторая доля иронии. И тем не менее, он все-таки говорит именно о том, что у Горького есть попытка с гуманистической точки зрения промыслить действительность, в которой он находится. Отношение к действительности как к возможному полю, предмету, который должно как-то осмысливать для себя (понять свое место в этой действительности), и дает нам такой разброс оценок творчества М. Горького.

Горький как писатель-мыслитель тонко чувствует действительность и постоянно по ней движется. Он откликается на нее, «разговаривает» с этой действительностью, что и заметил Степун (причем, не только в рецензии 1923 г., о которой он, кстати, пишет в письме Горькому, но и в самих письмах он это отмечает (см.: [1]). Жаль, что «разговор», начавшийся в письмах, как известно, быстро сошел на нет, потому что для Горького невозможен был национально-религиозный пафос Степуна. Для России, по мнению Горького, такая позиция была убийственной. И в споре о литературе они не пришли к общему знаменателю, да и не могли, собственно говоря, прийти именно в силу тех идейных разногласий, которые существовали между ними.

Горький как представитель интеллектуальной культуры откликался на реальность не только в творчестве. Он вел колоссальную переписку, поддерживал материально писателей-эмигрантов. К Горькому мог обратиться каждый, о чем свидетельствует его переписка. Среди адресатов Горь-

кого можно встретить не только лично ему знакомых, но и неизвестных ему интеллектуалов-философов. Среди них особый интерес для нас представляют письма Владимира Николаевича Ивановского, философа, психолога, переводчика Милля, автора первой в России книги по методологии науки. В 1920-е гг. он работал в Институте научной философии (в МГУ), стоял у истоков такой популярной ныне области гуманитарного знания, как «история понятий» [8]. В 2011 г. в журнале «Философские науки» появилась статья С. Н. Корсакова о В. Н. Ивановском, где упоминается его переписка с А. М. Горьким [2]. Действительно, в ЦММЛС сохранились переписанные рукой дочери Ивановского пересказы с обширным цитированием писем В. Н. Ивановского и А. М. Горького (а также указание на шифры оригиналов, которые были переданы в Архив А. М. Горького при ИМЛИ РАН). Ивановский обратился к Горькому с просьбой о содействии изданию второго тома его книги «Методологическое введение в науку и философию» (Т. I. Минск, 1923): «Глубокоуважаемый Алексей Максимович! Извините, что я письменно обращаюсь к Вам, не будучи знаком с Вами лично. Вне круга специалистов я мало известнее; быть может, больше всего меня знают по моему переводу “Системы логики” Д. С. Милля, вышедшему 2 изданиями. ... В философии я держусь “научных” точек зрения, являюсь сторонником “научной” философии, и мои главные интересы – это связь отдельных сторон культуры, в частности науки, философии, религии, общественности, их взаимные влияния, их эволюция и т. д. <...> Если бы Вы нашли полезной мою книжку, Вы, быть может, помогли бы мне хотя бы, например, рекомендацией моей работы какому-либо издательству. <...> II том должен быть весь посвящен методологии наук. Я хочу в нем охарактеризовать методы наук математических, естественных, исторических, прикладных и философских. Работа в высшей степени ответственная, потому что одному человеку приходится касаться проблем самых различных наук; но и благодатная (по моему мнению), потому что ничто так не роднит человека с научным мышлением, как понимание методологии и динамики науки, овладение ее внутренней интимной стороной, ее историй и т. д.» (Письмо В. Н. Ивановского А. М. Горькому от 20 марта 1926 года // ЦММЛС. Ф. 66. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–3.)

Горький живо заинтересовался этим письмом, несмотря на то, что не был лично знаком с Ивановским. После получения его книги Горький

откликнулся: «...из всех мной прочитанных книг русских философов Ваша книга удивила меня простотой и ясностью языка, а также и строгой последовательностью изложения. ...Поэтому я, оставляя в стороне Госиздат, буду действовать на издателей частных и на первый раз вместе с этим письмом пишу издательству “Время”. ...Когда я через Вяч. Иванова запрашивал Маковельского, у меня была возможность, точнее надежда, организовать издательство в России, но ... человек заболел тифом. Ответ <издательства> “Время” я получу через 10–12 дней и тотчас же Вам сообщу его, а Вы бы, прочитав это письмо, послали экземпляр “Методологического введения в науки и философию” по адресу Ленинград <21>, Троицкая ул. 4, кв. 3 “Время” Илье Владимировичу Вольфсону». (Даже когда Гиппиус критически отозвалась о нем в журнале, Ходасевич вступился за Горького, призывая отнестись к нему объективно [6].)

А в следующем письме Горький рассказывает В. Н. Ивановскому о том, почему для него такое важное значение имеют интеллектуальная деятельность и научное книгоиздание: «Очень обрадован Вашим желанием делиться со мной – время от времени – делами Вашими, ценность коих для меня несомненна. ...от юности переполнен глубокой верою в силу человеческой мысли, верою, которая у меня все крепнет. В 17-м г. пытался и практически помочь творцам науки. По моей инициативе в Петербурге была организована “Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук”, во главе которой встали (ныне уже отошедшие от нас земляки мой В. А. Стеклов, математик, Лев А. Чугаев, химик), С. П. Костычев, зооботаник, Ю. М. Филипченко, А. А. Петровский, С. Ф. Ольденбург и ряд других, а также Нобель и еще несколько крупных промышленников. Собрали уже несколько десятков тысяч денег, предполагали создать ряд исследовательских институтов. ...В 19 году был основан “Дом ученых” и “Комиссия по улучшению быта ученых”, председателем был избран я. Сообщаю это не хвастовства ради, конечно, а для ознакомления Вашего с человеком, которому Вы ...уделите часть знаний Ваших и который, думаю, сможет отнестись к ним со всем вниманием и той серьезностью, как только он способен». (Письмо А. М. Горького В. Н. Ивановскому от 23 июля 1926 года // ЦММЛС. Ф. 66. Оп. 1. Д. 32. Л. 6–7.)

Эта переписка с Ивановским свидетельствует о том, насколько была важна для Горького про-

блематика интеллектуальной культуры. И этот импульс к интеллектуальному поиску Горький передает будущему поколению, которому в 1917 г. было шестнадцать (Письмо А. М. Горького В. Н. Ивановскому от 23 июля 1926 года // ЦММЛС. Ф. 66. Оп. 1. Д. 32. Л. 6–7.), о чем свидетельствуют также его «Несвоевременные мысли».

В заключение вернемся к вопросу о том, «пролетарский ли писатель Горький». Что ж, можно в нем найти и это. Но мы сегодня уже видим, что Горький гораздо богаче. Многое зависит от того, в какую эпоху мы живем. И сегодня его «Дело Артамоновых» прекрасно иллюстрирует нашу реальность. А осмысление «Клима Самгина» в контексте «трагедии интеллигенции» Г. П. Федотова – дело будущего. Мы – современные философы – еще не пытались провести перекрестный анализ идей Горького с русской философией, которая только начинает возвращаться к нам. Может быть, в «лицах» это получилось бы гораздо интереснее. Каждый из нас может увидеть в его творчестве не только богатство эпохи, но, что самое главное, стремление понять ее, а значит, и найти в ней себя. Именно эта устремленность делает А. М. Горького представителем интеллектуальной культуры России.

В статье представлен материал публикации автора, сделанной в издании: Проблемы российского самосознания: Максим Горький и русская провинция. К 150-летию со дня рождения. – Ярославль-Москва: РИО ЯГПУ, 2018 [3].

Библиографический список

1. Бочарова, И. А. М. Горький и Ф. А. Степун. Переписка [Предисл., прим., публ.] / И. А. Бочарова // *De Visu*. – 1993. – № 3. – С. 43–54.
2. Корсаков, С. Н. Профессор В. Н. Ивановский и его воспоминания [Текст] / С. Н. Корсаков // *Философские науки*. – 2011. – № 1. – С. 137–143.
3. Проблемы российского самосознания: Максим Горький и русская провинция. К 150-летию со дня рождения: по материалам Российской научной конференции с международным участием [Ярославль, 5–7 июня 2018 г.] и XV Всероссийской конференции Института философии РАН [Москва, 31 мая 2018 г.]. – Ярославль – Москва: РИО ЯГПУ, 2018. – 403 с.
4. Степун, Ф. А. Максим Горький. Мои университеты (рец.) [Текст] / Ф. А. Степун // *Современные записки*. – 1923. – Кн. XVII. – С. 479–482.
5. Степун, Ф. А. Пролетарская революция и революционный орден русской интеллигенции [Текст] / Ф. А. Степун // *Степун Ф. А. Сочинения*. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 612–626.

6. Ходасевич, В. З. Н. Гиппиус. «Живые лица» (рец.) [Текст] / В. З. Ходасевич // Современные записки. – 1925. – Кн. 25. – С. 535–541.

7. Щедрина, Т. Г. «Ваше письмо... будто солнечный луч». Письма Юрия Панебратцева Николаю Бердяеву [Предисл., коммент., публ.] / Т. Г. Щедрина // Вопросы философии. – 2014. – № 11. – С. 110–125.

8. Щедрина, Т. Г. Владимир Ивановский и Густав Шпет: методологический проект «истории понятий» [Текст] / Т. Г. Щедрина // Вопросы философии. – 2012. – № 11. – С. 10–18.

Reference List

1. Bocharova, I. A. M. Gor'kij i F. A. Stepun. Perepiska = A. M. Gorky and F. A. Stepun. Correspondence [Predisl., prim., publ.] / I. A. Bocharova // De Visu. – 1993. – № 3. – S. 43–54.

2. Korsakov, S. N. Professor V. N. Ivanovskij i ego vospominanija = Professor V. N. Ivanovsky and his memoirs [Tekst] / S. N. Korsakov // Filosofskie nauki. – 2011. – № 1. – S. 137–143.

3. Problemy rossijskogo samosoznaniya: Maksim Gor'kij i russkaja provincija. K 150-letiju so dnja rozhdenija : po materialam Rossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Jaroslavl', 5–7 ijunja 2018 g.] i XV Vserossijskoj konferencii Instituta filosofii RAN [Moskva, 31 maja 2018 g.] = Problems of the Russian consciousness: Maxim Gorky and Russian province. To the 150 anniversary since birth: on materials of the Russian scientific conference with the international participa-

tion [Jaroslavl, on June 5–7, 2018] and the XV All-Russian conference of the Institute of philosophy of RAS [Moscow, on May 31, 2018]. – Jaroslavl' – Moskva : RIO JaGPU, 2018. – 403 s.

4. Stepun, F. A. Maksim Gor'kij. Moi universitety = Maxim Gorky. My universities (rec.) [Tekst] / F. A. Stepun // Sovremennye zapiski = Modern notes. – 1923. – Kn = XVII. – S. 479–482.

5. Stepun, F. A. Proletarskaja revoljucija i revoljucionnyj orden russkoj intelligencii = Proletarian revolution and revolutionary award of Russian intelligentsia [Tekst] / F. A. Stepun // Stepun F. A. Sochinenija. – M. : ROSSPJeN, 2000. – S. 612–626.

6. Hodasevich, V. Z. N. Gippius. «Zhivye lica» = Z. N. Gippius. «Living persons» (rec.) [Tekst] / V. Z. Hodasevich // Sovremennye zapiski = Modern notes. – 1925. – Kn. 25. – S. 535–541.

7. Shhedrina, T. G. «Vashe pis'mo... budto solnechnyj luch». Pis'ma Juriya Panebratceva Nikolaju Berdjaevu = «Your letter ... as if a ray of sunlight». Yury Panebrattsev's letters to Nikolay Berdyayev [Predisl., komment., publ.] / T. G. Shhedrina // Voprosy filosofii. – 2014. – № 11. – S. 110–125.

8. Shhedrina, T. G. Vladimir Ivanovskij i Gustav Shpet: metodologicheskij proekt «istorii ponjatij» = Vladimir Ivanovsky and Gustav Shpet: methodological project «history of concepts» [Tekst] / T. G. Shhedrina // Voprosy filosofii. – 2012. – № 11. – S. 10–18.